I

Гегелевская трактовка соотношения литературных родов общеизвестна: эпос объективен, лирика субъективна, драма объединяет эти противоположности. Достаточно ясны и некоторые логико-философские предпосылки и цели этого построения. Не всегда однако обращается внимание на то, что при других исходных категориях система поэтических видов могла бы выглядеть совершенно иначе. Противопоставление субъективности и объективности для Гегеля — метод решения проблемы не единственно возможный, а по тем или иным причинам наиболее пригодный именно в данном случае.

Чтобы убедиться в этом, не нужно далеко ходить за примерами. Один из наших предшественников заметил, что в рамках характеристики эпоса Гегель сопоставляет этот род с драмой таким образом (с помощью категорий «события» и «действия»), что лирика оказывается как бы вне этого сопоставления. Возникает даже впечатление, что соотношение родов в целом здесь представлено иначе, чем в начальных формулировках раздела «Различия родов поэзии» [7, с. 44]. Наблюдение, на наш взгляд, ценное, но не совсем верно истолкованное. Эпос и драма везде сравниваются друг с другом более развернуто и содержательно, чем каждый из этих родов с лирикой. Эта особенность вряд ли может служить доказательством того, что в иных случаях Гегель считает лирику «главным» родом. Зато она наводит на мысль о том, что эпос и драма почему-то «одинаково главные» — в отличие от лирики.

В краткой вводной части и в части основной упомянутого раздела главы «Поэзия» порядок рассмотрения родов один и тот же: «Эпическая поэзия», «Лирическая поэзия», «Драматическая поэзия». Этот порядок не требовал бы объяснений, если бы в первом пункте эпос, а во втором лирика рассматривались в качестве «односторонних» форм, «объединяемых» драмой в некую полноту и целостность. Но под таким углом зрения эти два рода охарактеризованы только во введении и в третьем пункте. Там же, где речь идет об эпической поэзии специально, «односторонними» выглядят драма и лирика.

В эпосе, как полагает Гегель, когда рассматривает этот род в отдельности, «есть место — помимо обширной национальной действительности, на которой основывается действие,— и для внешнего и для внутреннего, так что здесь развертывается вся целостность того, что только можно причислить к поэзии человеческого существования». В лирике же, сказано чуть ранее, преобладающая «форма внутреннего мира» «исключает широкую наглядную картину внешней реальности». Хотя драма лирике тут же противопоставляется (ее основная форма — «действительная жизненность» характеров и всего совершающегося), но и в ней Гегель видит акцентирование «внутреннего»: «... и вообще речь идет больше о внутренних мотивах и целях, чем о мире во всей широте его связей и о реальном состоянии индивидов» [1, т. 3, с. 460].

Для того чтобы эти положения вошли в явное противоречие с гегелевской характеристикой драмы — и во введении к разделу, и в пункте «Драматическая поэзия» — недостает, на первый взгляд, лишь одного: указаний на соединение в эпосе свойств, присущих лирике и драме в отдельности. Но в итоге характеристики духовного содержания эпического мира Гегель как раз такую мысль и высказывает: «Следовательно, здесь имеется и собственно лирический и драматический материал, хотя в эпосе эти стороны не составляют основной формы всего изображения, проявляются только как моменты и не должны лишать эпоса его своеобразного характера» [1, т. 3, с. 460].

Здесь возникает действительно большой соблазн уличить Гегеля не только в противоречии с предваряющими раздел тезисами, но и в том, что провозглашенный им общий принцип различения родов был просто-напросто «подчинением основных понятий» поэтики «диалектике субъектно-объектных отношений» [8, с. 35] или в лучшем случае «философической фразеологией, облекающей действительное решение вопроса» [7, с. 42—43]. Однако если внимательно вчитаться в цити-